

Последняя сюита



В-dur, op. 6

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Галина Пак

18+

Галина Пак

Последняя сюита

«Автор»

2026

Пак Г.

Последняя сюита / Г. Пак — «Автор», 2026

Москва, наши дни. В собственной квартире убита женщина — позвоночник сломан позвонок за позвонком. На стене над телом надпись: «B-dur, op. 6» — название бетховенской сюиты, которая играла в момент смерти. Следователь Горелов обнаруживает, что почти все члены этой семьи погибли при странных обстоятельствах за последние полтора года. И всех их объединяет одно — студент Московской консерватории Денис Поляков, тихий вундеркинд, который после каждой смерти получает наследство. Денис убивает под классическую музыку. Для каждой жертвы — своё произведение. Для отца — Шуберт, для мачехи — Бетховен, для обидчицы из школы — Шостакович. Он не просто убивает — он исполняет симфонию. Симфонию семи смертей. Но есть ли у следствия доказательства? Или Горелов имеет дело с гениальным манипулятором, который за годы унижений выучил не только ноты, но и анатомию чужой души? Психологический триллер о том, как ломают психику в детстве и что из этого вырастает.

© Пак Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пролог. Струны для виолончели	5
Глава 2. Семейное дело	9
Глава 3. Консерватория. Тени за роялем	14
Глава 4. Первое убийство 2015 год	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галина Пак

Последняя сюита

Глава 1. Пролог. Струны для виолончели

Запах появился во вторник.

Утром семнадцатого сентября жильцы дома на Кутузовском проспекте, делали вид, что не замечают его. Но к обеду уже никто не притворялся. Лифтерша тётя Зина, выносившая мусорное ведро на площадку, прижала платок к носу и сказала дворнику Валере: «Там у Поляковой на пятом, чем-то тухлым несёт. Может мясо протухло? Валера пожал плечами, он привык к разным запахам. Но этот был не мясной. Сладковато-приторный, с горькой ноткой, как увядшие лилии, смешанные с чем-то химическим.

Они позвонили в дверь в четыре часа. Никто не открыл. За дверью было тихо, но именно эта тишина казалась неправильной — слишком плотной, как вата. И тогда они вызвали участкового.

Участковый, лейтенант Бондаренко, молодой и нервный, вызвал слесаря. Дверь вскрыли в пять пятнадцать. Запах ударил настолько сильно, что тётя Зина сползла по стене и её вырвало. Бондаренко зажал нос рукавом и шагнул в прихожую.

Квартира была огромной — бывшая «сталинка» с перепланировкой, евроремонт, дорогие обои в полоску, паркет «ёлочкой». В прихожей висела копия «Моны Лизы» в тяжёлой раме и стоял столик с ключницей. Где-то в глубине, из гостиной, слышалось тихое шипение — как будто работал очень старый радиоприёмник, настроенный на пустую частоту.

Бондаренко пошёл на звук.

Гостиная встретила его полумраком. Шторы были задёрнуты, но сквозь неплотную ткань пробивался тусклый вечерний свет. В центре комнаты, на персидском ковре, лежало тело.

Позже он не сможет вспомнить, чего испугался первым — позы, запаха или музыки. Потому что музыка продолжалась. Проигрыватель на низкой тумбе крутил пластинку, игла прыгала в замкнутой канавке, и из больших колонок, глухо, на повторном круге, звучала виолончель. Чья это музыка, Баха? Бетховена? Бондаренко не разбирался в классике. Просто слышал низкое, тягучее гу-у-у, которое поднималось из колодца звука и обволакивало комнату, как масло.

Женщина лежала на спине, руки вытянуты вдоль туловища, пальцы слегка поджаты — словно она собиралась что-то схватить, но передумала. Ей было за пятьдесят, но лицо, несмотря на странный серо-восковой оттенок, выглядело спокойным. Даже больше — умиротворённым, почти блаженным. Брови чуть приподняты, уголки губ приоткрыты в лёгкой улыбке. Только глаза — открытые, мутные, с точками вместо зрачков — смотрели в потолок, и в этом взгляде не было покоя.

Бондаренко сделал шаг вперёд, и паркет противно скрипнул. Он опустился на корточки, чтобы лучше рассмотреть тело, и тут же замер.

Одежда была нетронутой — темное шерстяное платье, колготки, тапочки. Крови не было. Ничего, что указывало бы на насилие, если не считать одной детали. Тело лежало неестественно ровно. Словно его выровняли по линейке. Но когда Бондаренко перевёл взгляд на бок женщины, увидел, что рука закинута за спину под странным углом — слишком высоко, так, что плечо почти вывернуто.

Он осторожно прикоснулся к запястью. Кожа была ледяной — смерть наступила не сегодня и не вчера. Он попытался приподнять руку, и она пошевелилась со странным хрустом, как мешок с орехами. Лейтенант похолодел.

Что-то было не так с её спиной. Даже через плотную ткань платья он заметил неестественный изгиб — позвоночник выгнут там, где не должен быть. Он осторожно отодвинул край ворота. Шея выглядела впалой, словно опоры, державшие голову, исчезли.

— Господи, — прошептал он.

Он не был медиком. Не мог поставить диагноз. Но он видел трупы и раньше — и знал, что тело не должно лежать так, будто его сложили из отдельных кусков, не совпадающих в суставах.

Бондаренко отпрянул, сел на пол и несколько раз глубоко вздохнул. Запах теперь не имел значения. Он достал телефон, дрожащим пальцем набрал номер дежурного на Петровке и сказал только одно:

— Убийство. Сложное. Присылайте всех, кто есть. И судмедэксперта. Опытного.

Первым прибыл Горелов.

Андрей Игоревич Горелов, тридцать один год, старший лейтенант уголовного розыска, был невысоким коренастым мужчиной с вечно опухшими веками и привычкой покусывать колпачок авторучки. За пять лет в убойном отделе он повидал многое — трупы в чемоданах, залитые бетоном, расчленённые и кремированные в собственных банях. Но такого не видел.

Он обошёл тело по периметру, не наступая на ковёр, наклонился, заглянул женщине в лицо. Её взгляд, остекленевший и немигающий, показался ему требовательным — словно она ждала от него вопроса, который он обязан был задать. Но вопроса не было. Было только ощущение нереальности.

— Эксперты? — спросил он у Бондаренко.

— Едут. Начальство тоже.

Горелов кивнул, достал из кармана одноразовые перчатки, натянул их и осторожно приподнял край платья. На пояснице он увидел первое, что не вязалось с картинкой «домашней смерти». Тёмно-фиолетовое пятно — не трупное, а гематома, с чёткими границами. Кто-то сильно давил на позвоночник, и давление было точечным.

Он выпрямился и оглядел комнату.

Гостиная была обставлена дорого, но безвкусно — стенка с хрусталём, телевизор «Sony» на пол стены, на стенах сувенирные тарелки и большой портрет мужчины в генеральском мундире. У окна фикус в кадке — листья засохли, не поливали давно. На журнальном столике — пустая чашка, ложка, в блюде засохший кофейный след. Вторая чашка, полная, стояла на полу у кресла. Рядом — блистер от успокоительного. «Феназепам», — прочитал Горелов. — «Две таблетки выдавлены».

Пластинка продолжала крутиться. Игла прыгала, и вместе с ней прыгала уже заезженная канавка, превращая бетховенское адажио в механический кашель. Горелов подошёл к проигрывателю, поднял иглу. Тишина ударила по ушам, и в ней вдруг стало слышно, как капает вода в раковине на кухне.

Он снял пластинку, повертел в руках. Конверт — потёртый, «Мелодия», годы застоя. На обложке: «Л. ван Бетховен. Сюита № 6 для виолончели соло. Исп. М. Ростропович». Горелов сунул пластинку в пакет, пометил.

На стене, над изголовьем убитой, он заметил надпись.

Сделанную карандашом, лёгким почерком, какие бывают у музыкантов — с завитушками и нажимами: B-dur, op. 6.

«Си-бемоль мажор, опус шесть», — прочитал про себя Горелов. В юности он посещал музыкальную школу и разбирался в нотах.

К восьми вечера в квартире было полно народу. Криминалисты в белых комбинезонах, ползали по полу с пинцетами и лупами. Прокурор стоял у двери, брезгливо задрал голову. Эксперт-медик, пожилая женщина в очках, уже сделала предварительные выводы.

— Смерть наступила ориентировочно двое-трое суток назад. Точнее скажу после вскрытия. Но уже сейчас видно: позвоночник сломан в нескольких местах. Шейный отдел полностью

разрушен, грудной — тоже, поясничный держался дольше, но тоже не выдержал. Ломали при жизни. Судя по гематомам — сначала шейный, потом грудной, потом поясничный. Потерпевшая была в сознании? Возможно, под действием седативных препаратов. Феназепам в крови будет, почти наверняка. Кто это сделал — либо хирург, либо человек с очень сильными пальцами и знанием анатомии.

— Или садист, — добавил Горелов.

— Садисты обычно оставляют порезы и раны на коже. Здесь нет ни одного пореза. Мы имеем дело с методичностью. С холодной методичностью, — она сняла очки, протёрла их. — И ещё. У потерпевшей нет признаков борьбы. Вообще. Ни царапины под ногтями, ни содранной кожи. Она лежала и позволила себя сломать.

Горелов посмотрел на лицо убитой. На лице блаженная улыбка. Может быть, её усыпили до беспамятства? Может быть, она была в коме? Но тогда зачем ломать позвоночник — легче задушить или отравить.

— Это ритуал, — сказал он в пустоту. — Кому-то было важно, чтобы она умерла именно так. Возможно под эту музыку.

Он подошёл к проигрывателю ещё раз. Рядом, в пыльном углу, нашёл пустую коробку из-под таблеток. Не феназепам — снотворное, сильное, рецептурное. По рецепту, выписанному на имя Валентины Павловны Поляковой.

— Валентина Павловна, — сказал Горелов. — Кто вы, и кто вас так ненавидел?

Участковый Бондаренко ждал его в прихожей с раскрытым паспортом и домовою книгой.

— Валентина Павловна Полякова, пятьдесят восемь лет. Не работает. Вдова. Проживает одна. Но в домовою книге прописана она не одна — там ещё сын.

— Сын значит, — сказал Горелов, принимая документы. — Пасынок, судя по фамилии. Поляков, Денис Анатольевич. Где он?

— Я звонил по номеру, который дали соседи. Мобильный отключён. Но в заявлении о пропаже никто не писал. То есть сын не искал мать три дня.

Горелов задумался. Детей, не ищущих родителей, он видел много. Усталость, равнодушие, ссоры — обычное дело. Но здесь...

— Найди мне этого Дениса, — сказал он. — Прямо сейчас. Перезвони соседям, друзьям, в его универ. Где он учится?

Бондаренко заглянул в блокнот.

— Я уже опросил соседей.

— По моим данным в консерватории. Московская консерватория имени Чайковского. Второй курс, теоретико-композиторский факультет. Ещё и музыкант, — он невесело усмехнулся. — Как раз под нашу пластинку.

Горелов промолчал. Он вышел на балкон, закурил. Внизу, в переулке, стояли две патрульные машины, и толпа зевак. Смерть на Кутузовском — это событие.

Он вернулся в комнату и присел на корточки у тела. Вблизи, под лампой, заметил то, чего не видел раньше. На шее женщины, чуть ниже левого уха — маленькое красное пятно. Не укус, не царапина. След от пальца. Один палец, который держал голову, пока другой...

Горелов медленно выпрямился, перевёл взгляд на безмятежное лицо убитой. Та же блаженная улыбка. Тот же уход в себя. Но теперь он понял, что эта улыбка — не покой. Это застывшая гримаса последнего, самого долгого мгновения.

— Ты была не одна, — сказал он мёртвой Валентине. — И тебя не просто убили. Тебя слушали.

В прихожей зашумели. Новые голоса, быстрые шаги. Кто-то из криминалистов позвал его: «Андрей Игоревич, идите сюда». Горелов поднялся, вышел в коридор.

На стене, прямо над зеркалом, карандашом — тем же почерком, что и в гостиной — было выведено:

«Es ist vollbracht».

Немецкий. Горелов не знал немецкого, но фраза была известной. Из Библии? Из оперы? Он достал телефон, нашёл перевод.

«Свершилось».

Он ещё постоял, глядя на надпись. Потом взял с тумбочки запакованную пластинку, вышел в коридор и, не оглядываясь на тело, направился к лифту.

В машине, уже на полпути к Петровке, сунул пластинку в бардачок, где лежали потрепанные рапорты и пачка сигарет. Из динамиков шипело радио — приёмник ловил только «Орфей». Классика. Он выключил.

Бардачок закрылся. После этого, он старался не слушать классическую музыку, но музыка внутри уже играла. И она звучала в си-бемоль мажоре.

Кто ты, Денис Поляков? — подумал Горелов, глядя на ночную улицу. — Студент консерватории... Пасынок убитой... И где тебя носило три дня?

Ответа не было. Он знал, что ответ придёт, но не скоро.

Очень не скоро.

Глава 2. Семейное дело

Через два дня после того, как тело Валентины Поляковой увезли в морг на Таганку, старший лейтенант Горелов сидел в своем кабинете на Петровке, 38, и смотрел на доску.

Обычную белую магнитно-маркерную доску, которую отжал у соседей из экономического отдела. На ней он закрепил три фотографии, три даты и три коротких заключения. Всё, что удалось накопать за сорок восемь часов.

Под его глазами залегли синие круги, в пепельнице дымилась забытая сигарета, и в пластиковом стаканчике остывал крепкий кофе. Помощница, секретарша Зочка, дважды заглядывала с обеспокоенным лицом и дважды уходила, не решившись заговорить.

Горелов водил пальцем по строчкам рапортов и выстраивал хронологию.

Жертва № 1: Анатолий Сергеевич Поляков, 52 года.

Дата смерти: 15 августа 2015 года. Обстоятельства: автомобильная авария на Новорижском шоссе. Около 23:15 «Тойота Камри» вылетела в кювет и врезалась в опору ЛЭП. Смерть мгновенная — разрыв аорты, множественные переломы. Заключение экспертизы: разрыв тормозного шланга. Естественный износ. Виновных нет. Примечания: владелец сети автосервисов «Поляков-моторс». За месяц до аварии проходил плановое техобслуживание в собственном сервисе. Мастер, который проводил ТО, уволился через две недели после аварии и уехал в Пензу. Разыскан, опрошен. Показания: «Всё было исправно. Шланги я менял в конце июля, они новые стояли». Нестыковки: эксперт по дефектовке признал, что шланг мог быть перерезан намеренно, но доказательств нет. Следствие закрыто. Наследники: двое сыновей — Андрей, пасынок от второго брака и Денис, от первого. Основной наследник — Андрей, как старший и прописанный в бизнесе. Дата смерти: 20 февраля 2016 года. Обстоятельства: ножевое ранение в переулке у клуба «Рай» на Арбате. Около 2:30 ночи. Один удар. Смерть от потери крови за 40–50 секунд. Заключение экспертизы: колото-резаная рана, проникающая в грудную полость, повреждение нижней доли левого легкого и аорты. Орудие — нож с узким лезвием, тип «стилет» или «кортик». Расследование: камеры наружного наблюдения в переулке не работали. Свидетелей нет. Пропали часы «Омега», подарок отца и золотая цепь массивная, панцирное плетение. Версия — разбойное нападение. Дело закрыто в июле 2016 года за нераскрытием. Примечания: бармен клуба «Рай» показал, что Андрей перед выходом разговаривал по телефону минуты три, потом сказал: «Встретимся в переулке, как договорились». Номер не определили. Бармен запомнил, что Андрей перед этим сам снял цепь и положил в карман — то есть грабители не могли её видеть. Тем не менее, часы и цепь не найдены. Наследники: мать Валентина Павловна Полякова и брат Денис Поляков по закону, так как отец умер раньше. Фактически всё перешло к Валентине. Дата смерти: приблизительно

17 сентября 2016 года. Обстоятельства: обнаружена 20 сентября в собственной квартире на Кутузовском проспекте. Смерть наступила за 2–3 дня до этого. Заключение судмедэкспертизы предварительное: множественные компрессионные переломы позвоночника нанесены при жизни под действием седативных препаратов. Особые приметы: в момент убийства в квартире звучала пластинка — сюита № 6 Бетховена для виолончели соло. На стенах надписи карандашом: «Vdur, op. 6» и «Es ist vollbracht». Почерк одинаковый. Наследник: Денис Анатольевич Поляков — единственный оставшийся член семьи. Всё имущество — квартиры, счета, автобизнес — переходит к нему по закону.

Жертва № 2: Андрей Анатольевич Поляков, 20 лет.

Жертва № 3: Валентина Павловна Полякова, 58 лет.

Горелов отступил на шаг и посмотрел на доску целиком.

Три смерти за полтора года. Отец, брат, мачеха. Все трое — близкие родственники Дениса Полякова. И после каждой смерти именно он оставался в живых и постепенно получал всё наследство. Сначала — долю отца, после гибели брата — ещё большую долю, а после смерти Валентины — вообще всё.

— Слишком удобно, — пробормотал Горелов.

Он открыл тонкую папку, которую завёл на Дениса ещё вчера. Там пока было несколько листов.

Денис Анатольевич Поляков, 19 лет. Родился 12 апреля 1997 года в Москве. Мать — Полякова Ирина Сергеевна (в девичестве Ковалёва), виолончелистка, преподаватель музыкальной школы. Умерла 12 сентября 2003 года. Причина — аневризма сосудов головного мозга. Скоропостижно. Денису было шесть. Отец — Анатолий Поляков, через год женился на Валентине Романовой, у которой уже был сын Андрей, на год старше Дениса. Семья Поляковых была состоятельной. Сеть автосервисов приносила стабильный доход. Помимо бизнеса, Анатолий владел двумя квартирами в Москве и загородным домом. До 2016 года все члены семьи жили вместе — в большом светлом доме в подмосковном поселке «Лесные Поляны». Трёхэтажный особняк с панорамными окнами, роялем в гостиной и отдельным музыкальным кабинетом достался Анатолию от его отца. Дом был просторным и светлым. Там же, в гостиной, стоял тот самый проигрыватель, на котором позже заиграет бетховенская сюита. Валентина любила этот дом. Он был её главным достижением — она сумела удержать мужа, сохранить семью, вырастить сыновей. По крайней мере, так она говорила подругам. Но после смерти Андрея, в ней что-то сломалось. Валентина не смогла оставаться в доме, где каждая комната

напоминала о сыне. Слишком много воспоминаний. Слишком много пустоты. В апреле 2016 года она продала особняк — дешевле рынка, лишь бы быстрее избавиться — и переехала в свою старую квартиру на Кутузовском. Квартира досталась ей от родителей ещё в девяностые. Валентина словно пряталась в прошлое, которое не могло причинить новой боли, потому что его уже не было. После смерти Анатолия и получения своей доли наследства Денис снял однокомнатную квартиру в новостройке на Профсоюзной, недалеко от метро «Университет». Он выбрал её не случайно — в гостиной стояло небольшое кабинетное пианино, оставленное предыдущими жильцами. Инструмент был старым, расстроенным, но Денис привёл его в порядок. Пианино стало центром его жизни. Там же он поставил свой проигрыватель, разложил ноты и продолжил сочинять. К Валентине он приходил раз в месяц — приносил продукты, справлялся о здоровье. Она благодарила, но не звала жить с собой. И правильно делала. Денис не рвался. Характеристики Дениса: тихий, замкнутый, отличник. Общается мало. Друзей нет. Девушкой, по данным оперативников, не обзавёлся. Преподаватели характеризуют как «технически безупречного, но эмоционально холодного». Один педагог написал в рекомендательном письме: «Слушая его музыку, забываешь, что это пишет живой человек. В ней нет ни радости, ни печали. Она как лист бумаги — чистая, правильная, пустая».

Горелов потёр переносицу. Он вспомнил этого парня — они мельком виделись в морге, когда Денис пришел подписывать документы на опознание Валентины. Высокий, худой, с идеальной осанкой, в чёрном пальто. Лицо ничего не выражало. Он спокойно заполнил бланки, ровным голосом ответил на вопросы следователя, потом сел в такси и уехал. Не плакал. Не скорбел. Даже не вздохнул.

«Шок», — сказал тогда психиатр, присутствовавший при опознании. «Бывает».

А Горелов подумал иначе. Он подумал: «Это не шок. Это что-то другое».

В кабинет постучали, и, не дожидаясь ответа, вошла майор Шатрова.

Ей было сорок пять, она носила короткую стрижку, практичные брюки и не пользовалась косметикой. В Уголовном розыске её уважали за острый ум и умение разговаривать с родственниками жертв.

— Андрей, ты чего не спишь? — спросила она, кивнув на доску. — Опять своё расследование в одиночку тянешь? Начальство же сказало: убийство Валентины — отдельно, остальные случаи — архив.

— Не могу, Ирина Степановна, — Горелов не обернулся. — Слишком много совпадений.

— Каких совпадений? — Шатрова подошла ближе, взяла из его рук рапорт по Андрею. — Отец — авария, брат — разбойное нападение, мачеха — ритуальное убийство. Почерки разные. Один человек не мог так разносторонне действовать.

— А если он учился? — Горелов повернулся. — Первый раз — отец, механика. Второй — брат, холодное оружие. Третий — мачеха, ритуальное. Он прогрессирует, Ирина. Каждый раз изощреннее.

— Мотив?

— Наследство. И месть. Денис ненавидел отца, это известно. Скорее всего мачеха и брат его не любили. И после каждой смерти он получал деньги.

— Это психология, не улики, — Шатрова села на стул. — Квартиру на Профсоюзной он снял, говоришь? Проверили, на что жил до наследства?

— Мать оставила ему небольшие накопления. Плюс отец давал деньги на учебу — платил за консерваторию. Но главное не это. Главное — его алиби. У нас нет ни одного алиби на момент убийств, но мы их и не проверяли как следует. Надо проверить.

— Начальство не даст ресурсов, если нет состава.

— А если я найду связь? — Горелов хлопнул ладонью по столу. — Завтра еду в консерваторию. Поговорю с его педагогами, сокурсниками. Узнаю, какой он человек. А потом — в Пензу, к мастеру, который менял тормоза отцу. Опрошу его ещё раз, если он подтвердит, что шланг был перерезан, а Денис в тот день был в автосервисе — ниточка потянется.

Шатрова вздохнула, достала из кармана мятую пачку сигарет и вышла на балкон.

— Делай, — сказала она, не оборачиваясь. — Но аккуратно.

На следующий день Горелов уже сидел в машине и выезжал на Профсоюзную.

Адрес Дениса он узнал через паспортный стол — съёмная квартира в новостройке, недалеко от метро «Университет». На звонок в домофон ответили не сразу.

— Я вас слушаю, — голос спокойный, без тени удивления.

— Старший лейтенант Горелов. По делу Валентины Поляковой. Откройте, поговорим.

Щелкнул замок.

Денис встретил его в чёрном свитере и домашних тапках. Лицо — ни тени эмоций.

— Проходите, — сказал он. — Я только что поставил чайник.

Горелов шагнул внутрь. Квартира оказалась маленькой, но аккуратной — однушка с евроремонтом, минимум мебели, на стенах — афиши концертов, на полу у окна — виолончельный футляр. В углу комнаты, напротив окна, стояло небольшое кабинетное пианино — старое, но ухоженное. Денис заметил его взгляд и сказал:

— Инструмент от предыдущих жильцов. Я его настроил.

Они сели на кухне. Денис разлил чай по чашкам — китайский зелёный, с жасмином. Горелов заметил, что руки у парня не дрожат, взгляд не бегаёт. Слишком спокойный. Слишком.

— Денис Анатольевич, где вы были вечером семнадцатого сентября?

— Дома, — ответил Денис. — Сочинял. Потом выходил в магазин за продуктами. Примерно в десять.

— Кто может это подтвердить?

— Никто. Я живу один. Но продавец в «Пятёрочке» на углу, возможно, меня запомнил. Я покупал хлеб и молоко. Чек выбросил.

— Вы знали, что ваша мачеха боялась кого-то?

Денис поставил чашку и посмотрел прямо в глаза.

— Боялась? Нет. Она никогда не говорила мне о страхах. Она вообще мало говорила.

— За месяц до смерти она переписала завещание на вас. Почему?

— Понятия не имею. Может, чувствовала вину за то, как относилась ко мне в детстве? Или просто не хотела, чтобы её имущество досталось государству.

— Вы продали автосервисы ещё до того, как официально вступили в наследство. Откуда знали, что они ваши?

На секунду в глазах Дениса мелькнуло что-то, то ли насмешка, то ли усталость.

— Я не знал, — ответил он. — Я просто решил, что бизнес отца — это не моё. Я музыкант. Я нашёл покупателя ещё при жизни Валентины. Всё законно.

Горелов помолчал. Он чувствовал, что парень врет, но доказательств лжи не было.

— Хорошо, — сказал следователь, поднимаясь. — Вы не против, если мы возьмём отпечатки пальцев для исключения?

— Пожалуйста, — Денис протянул руки ладонями вверх. — Я готов сотрудничать.

Они попрощались. В прихожей Горелов обратил внимание на проигрыватель — старый, но дорогой. Рядом стопка пластинок. Верхняя — Бетховен, сюита № 6. Та самая.

— Любите этого композитора? — спросил Горелов, кивнув на пластинку.

— Очень, — ответил Денис. — Особенно эту сюиту. Под неё хорошо думается.

Горелов вышел на лестничную клетку и только там выдохнул. Он закурил прямо в подъезде — плевать на запреты.

«Он знает, что я его подозреваю, — подумал Горелов. — И ему всё равно».

Глава 3. Консерватория. Тени за роялем

Большой зал Московской консерватории спал днём.

Так говорили студенты. Потому что утром и вечером здесь кипела жизнь — репетиции, экзамены, концерты, именитые гости, которые шуршали вечерними платьями и смокингами. А в промежутке, с одиннадцати до двух, зал пустовал. Стулья на сцене были сдвинуты к стене, рояль был накрыт бордовым бархатным чехлом, и только солнечные блики ползали по паркету.

Горелов не любил это место. Слишком много величия для человека, который всю жизнь слушал «Руки вверх!» в машине. Но сегодня он пришёл сюда по делу.

Он уже опросил деканат. Потом зав кафедрой, сухого старика с медалью на лацкане, который говорил о Денисе так, как будто перечислял технические характеристики пылесоса: «Успеваемость высокая. Работоспособность отличная. Творческая инициатива — ниже среднего. Есть проблемы с образным мышлением».

Ничего интересного. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

И тогда Горелов решил сменить тактику. Не спрашивать про Дениса. Спрашивать про всех. Пусть студенты сами выболтают то, что знают, даже не понимая, что говорят.

Он составил список: десять фамилий — однокурсники Дениса, преподаватели, кто-то из старшекурсников. Сегодня он начнет с двух. Самых ярких. Тех, на ком, как ему сказали в деканате, «держится курс».

Первая — Елена Виноградова.

Двадцать один год, пианистка, четвёртый курс исполнительского факультета. Лауреат трёх международных конкурсов, любимица профессора Мерзлякова, «золотая девочка» консерватории — так её называли за блондинистые волосы до пояса, фарфоровую кожу и способность играть Рахманинова так, что взрослые мужчины плакали в зале.

Горелов нашёл её в малом репетиционном классе № 12 — крошечной комнатухе с одним окном, где едва помещались два рояля и стул. Лена сидела за инструментом, опустив руки на колени, и смотрела в ноты, но не играла. Она ждала его.

— Входите, — сказала она, не оборачиваясь. Голос — высокий, чуть с хрипотцой, как у девушек, которые много курят, хотя на неё это не походило. — Профессор Мерзляков предупредил, что придёт человек из полиции. По поводу убийства Валентины Поляковой. Я её почти не знала, но могу рассказать, что слышала.

Горелов присел на край стула, достал диктофон, включил. Лена скользнула по нему взглядом и кивнула.

— Для протокола: вы Елена Виноградова?

— Да.

— Я расследую смерть Валентины Павловны Поляковой. Вы были с ней знакомы?

— Нет. Но я знала её пасынка — Дениса. И знала её мужа. Анатолий Поляков был нашим спонсором, давал деньги на конкурсы. Нервный был мужик, но щедрый. Мы все знали, что его жену звали Валентина.

— А Денис?

— Денис, — Лена наконец повернулась. У неё были бледно-голубые глаза, почти лишённые цвета, и взгляд острый, как лезвие. — Денис — странный. Многие думают что он бездарность, но это не так. Он технически гениален. Но внутри у него ничего нет. Как будто пустота.

— Вы с ним общаетесь?

— Мы учимся в одном заведении. Иногда здороваемся. Один раз он попросил у меня конспект по гармонии. Я дала. Он вернул на следующий день с благодарностью. Всё.

— Никаких конфликтов?

Лена усмехнулась.

— Конфликты? Нет. Зачем с ним конфликтовать? Но знаете, что я заметила?
Она замолчала, будто решая, стоит ли говорить.

— Что? — Горелов подался вперёд.

— После того, как умер его отец, Денис пришёл в консерваторию в новом пальто. А когда брат погиб — он перестал пользоваться метро. Стал ездить на такси.

— Вы думаете, он убил их? — спросил Горелов прямо.

Лена надолго замолчала. Потом подошла к окну, открыла форточку, закурила — всё-таки курит. Струйка дыма поползла вверх.

— Нет, — сказала она наконец. Денис уравновешенный. Он даже злым не бывает.

— А кто тогда, по-вашему, мог желать смерти Валентине Павловне?

Лена повернулась и посмотрела на Горелова почти с жалостью.

— Вы в консерватории первый раз? Здесь каждый второй желает смерти каждому первому. Это как в театре — любовь только на сцене. За кулисами — змеи. У нас два года назад скрипач чуть не зарезал дирижёра за то, что тот не взял его в турне. А в позапрошлом году альтистка подсыпала снотворное сопернице перед концертом. Вы поймите, здесь люди играют одну партию долгие годы, за то чтобы получить место в оркестре. Одно место. А претендентов — сотня. А может, это просто случайность?

— Убийство со сломанным позвоночником и бетховенской пластинкой — не случайность.

— Тогда ищите среди виолончелистов. Это их сюита. Шестая, си-бемоль мажор. Её мало кто играет — сложная. В нашем курсе только двое могут: один — Денис, второй — Костя Арбенин, скрипач, он и на виолончели играет для души.

— Костя Арбенин?

— Король консерватории, — Лена усмехнулась. — Красавчик, мажор, папа — замминистра культуры. Костя играет как бог, но, ведёт себя как козёл. Если кого и подозревать в чём-то, то его. Но он скорее кокаин нюхает в туалете, чем позвоночники ломает.

Горелов записал имя.

— Спасибо, Елена. Я, возможно, приду ещё.

— Приходите, — она потушила сигарету об подоконник. — Только предупреждайте заранее. Я в среду записана на запись в студии. Не хочу, чтобы меня отвлекали.

Она села за рояль и, не глядя на Горелова, начала играть. Что-то быстрое, злое, с диссонансами — Прокофьев, как потом узнает следователь. Горелов вышел в коридор и выдохнул.

Второе имя в его блокноте: Константин Арбенин. Елена Виноградова также указала на него!

С ним оказалось сложнее.

Горелов нашёл его в фойе Большого зала, где тот фотографировался с какой-то девушкой. Костя был высок, строен, с тёмными выющимися волосами и слишком белыми зубами. На нём был расстёгнутый вязаный кардиган, под ним футболка, и джинсы за двадцать тысяч. Он знал этот бренд.

— Константин Арбенин? — спросил Горелов, показывая удостоверение.

Парень скользнул по нему взглядом, и улыбнулся.

— Да, я. А вы, простите, откуда? Из налоговой? Из министерства? Папа не предупреждал.

— Я из уголовного розыска, — Горелов не поддержал тон. — Старший лейтенант Горелов. Расследую убийство Валентины Поляковой. Вы были знакомы с ней?

Улыбка сползла с лица Кости быстро, как грязь под дождём. Он оглянулся на девушку, та поняла и отступила.

— Полякова? — Костя понизил голос. — Та, которую убили на прошлой неделе? Я видел в новостях. А какое отношение она имеет ко мне?

— Вы учитесь на одном факультете с её пасынком, Денисом. Вы можете что-то рассказать о нём? О семье?

— О Денисе? — Костя рассмеялся — негромко, но с оттенком брезгливости. — О, этот тип... Как вам сказать. Он гений. Как компьютер, который научили играть Шопена. Мы с ним не общаемся — он из другого теста. Я люблю жизнь, тусовки, девушек. Он сидит дома и ни с кем не общается.

— Вы знали его отца?

— Анатолия Полякова? Кто ж его не знал — он спонсировал нашу кафедру. Грубый мужик. Однажды пришёл на закрытый концерт, напился и начал кричать, что «эта музыка — говно». Денис тогда сидел в первом ряду и смотрел в пол.

— А его мачеха, Валентина?

— Кто по вашему мог убить её?

Костя отвёл взгляд. На секунду его лицо стало серьёзным — даже испуганным.

— Послушайте, — он шагнул ближе, говорил почти шёпотом. — Здесь есть один человек. Технар, все его боятся. Вы его ещё не видели. Он учится на четвёртом курсе, дирижёр. Фамилия — Кругаль. Он как-то сказал за пивом, что «все эти спонсоры — мразь, их надо давить». А потом узнал, что Валентина переписала завещание на Дениса, и сказал: «Ну вот, Дениска теперь богатый. Скоро и его замочат». Я не знаю, правда это или нет, но Кругаль — псих. Вы его проверьте.

Горелов записал и это имя.

— Спасибо, Константин. Я проверю.

— Если что — я ничего не говорил, — Костя снова улыбнулся, но уже натянуто. — Папа будет недоволен, если я влезу в это дело.

Он развернулся и ушёл, громко цокая подошвами по мрамору.

Горелов остался в фойе один. Пахло старым деревом и цветами из вестибюля. Где-то на втором этаже репетировал хор — женские голоса тянули что-то высокое и печальное.

Он посмотрел на список в блокноте: Денис Поляков (пасынок, наследник, музыкант), играет на пианино, флейте, владеет навыками игры на виолончели.

Елена Виноградова (пианистка, самовлюбленная, умная).

Константин Арбенин (мажор, циник, играет на виолончели и на скрипке, знает всех).

Алексей Кругаль (дирижёр, все его боятся). И это только начало.

Консерватория была как паутина. Каждый знал каждого. И каждый что-то скрывал.

Алексея Кругалья в этот день не было в консерватории.

Горелов уже собрался уходить, когда его окликнули.

— Простите!

Обернулся. В дверях технического коридора стоял невысокий полноватый парень в очках — лет двадцати двух, с рюкзаком, из которого торчали ноты. Он теребил ремень и нервно озирался.

— Вы полиция? По делу Поляковой?

— Да. А вы?

— Я Саша Громов, — парень то ли выдохнул, то ли всхлипнул. — Я однокурсник Дениса. Можно с вами поговорить? Только не здесь. Не при всех.

Горелов кивнул. Они вышли на улицу, остановились у подъезда, где никто не слышал.

— Говорите.

— Я должен был сказать раньше, но боялся, — Саша говорил быстро, глотая окончания. — Денис... он ведёт себя странно. В том смысле, что он... он знал. Когда умер отец — он за день до этого спросил у меня, что будет, если у человека откажут тормоза на трассе. Я посмеялся, сказал — смерть. А он кивнул и ушёл. А потом — авария. А когда умер брат... за

неделю до этого он сказал: «Андрей слишком много болтает. Рано или поздно его прирежут в тёмном переулке». Я подумал — шутит. Но он, не шутил.

— Почему вы не сообщили раньше?

— А смысл? — Саша посмотрел на него с тоской. — Я не знаю, убивал он или нет. Просто... он всегда говорил такие вещи. А потом они сбывались. А когда умерла Валентина, его мачеха, я понял: что больше не могу молчать. Но если Денис узнает, что это я...

— Не узнает, — перебил Горелов. — Вы дадите письменные показания?

Саша помолчал. Потом кивнул.

— Да. Но пусть меня охраняют. Я не хочу стать следующим.

Горелов проводил его до машины, посадил на заднее сиденье, велел водителю отвезти в отдел. Сам остался стоять на тротуаре, глядя на здание консерватории.

Огромное, белое, с колоннами. Внутри — сотни молодых гениев. И один из них, возможно, убивает под бетховенскую сюиту. Но, кто?

Горелов закурил последнюю сигарету, смял пачку и бросил в урну.

— Чёртов театр, — сказал он вслух.

Над Москвой опускались сумерки. В окнах консерватории зажигался свет — будто ноты на нотном стане, по очереди, по одному.

Глава 4. Первое убийство 2015 год

Июньское солнце нещадно пекло асфальт школьного двора. Выпускники пятьдесят седьмой школы разбредались по территории кто куда — к фонтану, к скамейкам, к импровизированной фотозоне с воздушными шарами. Девчонки в коротких платьях визжали, мальчишки, пили шампанское из пластиковых стаканчиков и грезили о будущем.

Год спустя Горелов просматривал эти кадры на записи с камеры наблюдения, установленной на фасаде школы. Качество — отвратительное, зернистое, лица — размытые пятна. Но некоторые детали он разглядел.

Вот Никита Корсаков, высокий плечистый парень с короткой стрижкой, стоит в центре толпы. Он смеётся, кого-то обнимает, хлопает по спине. Вот он берёт из рук одноклассницы бокал, запрокидывает голову — пьёт залпом. Вокруг него всегда люди. Он из тех, кто рождается с чувством собственной важности.

Вот в углу кадра — Денис Поляков. Стоит отдельно, почти сливаясь с колонной. В руках у него недопитая бутылка воды. Он ни с кем не говорит, ни на кого не смотрит. Только изредка переводит взгляд на Никиту. И взгляд этот — ничего не выражает.

Горелов тогда ещё не знал, что это за парень. Он просто просматривал старые дела по запросу «Корсаков» — фамилии погибшего, — когда вдруг наткнулся на эту историю. И зацепился.

Смерть Никиты Корсакова, 2015 год. Статья — несчастный случай. Том первый, единственный.

Он заказал дело в архиве, ожидал два дня, и вот — перед ним легли пожелтевшие листы, протоколы допросов, заключение эксперта, фотографии с места происшествия.

Никита лежит на гранитных ступенях, лицом вниз. Голова неестественно вывернута, вокруг — тёмное пятно. Затылок разбит. Глаза открыты, но смотрят в сторону — туда, где в кадр попал чей-то ботинок.

Ботинок принадлежал Денису Полякову.

Горелов нашёл протокол его допроса. Тот был датирован сентябрем 2015 года — дело закрывали через 3 месяца после трагедии. К тому моменту Денис уже стал студентом первого курса консерватории, поступив после летних экзаменов. Ему было всё ещё восемнадцать.

Вопрос: «Где вы находились в момент падения Никиты Корсакова?» Ответ: «Я стоял примерно в десяти метрах от парапета. Я видел, как Никита пошатнулся и упал. Я ничего не успел сделать».
Вопрос: «Вы были с ним знакомы?» Ответ: «Да, мы учились в параллельных классах. Он иногда надо мной подшучивал. Я не обижался».
Вопрос: «Как вы оцениваете отношения между вами?» Ответ: «Нормальные. Как у всех».

Горелов перечитал эти строки три раза. «Он иногда надо мной подшучивал». Он знал, что такое «подшучивал» в школе. Он сам был шуплым в детстве. «Подшучивал» — это когда у тебя отбирали деньги на завтрак. «Подшучивал» — это когда кидали портфель в мусорный контейнер. «Подшучивал» — это когда в раздевалке обзывали «пидором» перед всем классом, а учителя делали вид, что не слышат.

Он перелистнул на другие протоколы. Одноклассники Никиты говорили хором: «Он сам залез на парапет. Он был выпивши. Никто не толкал». Одна девушка, Марина, написала в

объяснительной: «Я видела, как кто-то подошёл к Никите сзади. Но я не помню лицо. Может, показалось».

Следователь отметил: «Свидетельница находилась в состоянии алкогольного опьянения, показания недостоверны».

Горелов посмотрел на фотографию места преступления ещё раз. Ступени, парапет, площадка перед школой. Если Никита стоял лицом к фонтану, спиной к школе, то подойти к нему можно было только сзади, незаметно. Одного толчка хватило бы.

Но кто? Зачем? И главное — почему это убийство?

Ведь всё выглядело как несчастный случай.

Июнь 2015, школа N 57

Последний звонок отзвенел, когда солнце уже клонилось к закату. Директор, маленькая сухая женщина с микрофоном, сказала что-то пафосное про «дорогу во взрослую жизнь». Никита Корсаков, сидевший на третьем ряду, зевнул и начал переписываться в телефоне. Его друг Влад щипнул его за бок, зашептал: «Слышь, после все идём к фонтану. Там Ленка из одиннадцатого «А» будет. Говорят, она без лифчика сегодня».

Никита усмехнулся. Ленка была его целью последние полгода. Высокая, тёмные волосы, учится на отлично, но на вечеринках отжигает так, что мама не горюй. Он должен был её раскрутить. Тем более что конкуренты — какие-то ботаники вроде Дениса — отпали сразу. Денис даже не подходил к ней.

После торжественной части классы побросали в воздух кепки выпускников. Кто-то смеялся, кто-то плакал. Денис Поляков стоял у стены актового зала, держал кепку в руке, но не бросал. Просто смотрел на её чёрный бархат. Мать успела бы его поздравить. Мать бы гордилась. Он подавал документы в консерваторию через месяц — и был уверен, что поступит.

Отец не пришёл. Мачеха прислала цветы — какие-то жёлтые лилии. Андрей написал в СМС: «Поздравляю умник!»

Денис убрал телефон.

Дальше началось то, что выпускники назовут лучшим вечером в жизни. А Горелов через год — первой страницей дела, которое перевернёт всё.

Площадь перед школой, 21:45

Фонтан давно отключили, но он всё равно стоял — чаша, заросшая зеленью. Вокруг него собралась большая компания. Кто-то принёс колонку и включил попсу. Кто-то курил, прячась за деревьями. Никита, уже порядком принявший на грудь, бродил между групп, хватал девушек за талии, требовал продолжения банкета.

— Давайте в кафешку! У меня бабло есть!

— Никита, ты пьяный, — сказала Марина, та самая, которая потом даст показания про толчок в спину. — Поехали домой.

— Мне домой нельзя, — Никита икнул. — Меня отец уроет. Я лучше на парапете посижу, проветрюсь.

Парапетом называлась невысокая гранитная ограда перед лестницей, ведущей вниз, к метро. Туда Никита и направился, шатаясь. За ним никто не пошел — все были заняты собой.

Кроме одного человека.

Денис Поляков шёл в двадцати метрах, бесшумно, как кошка по ковру. У него в руках был стакан с соком — он не пил спиртного. Никогда. Глаза — спокойные, почти сонные. Он видел, как Никита взобрался на парапет, как встал на носочки, раскинул руки в стороны, изображая орла.

— Эй, смотрите! Я — император мира! — крикнул Никита обернувшимся. Кто-то засмеялся. Кто-то крикнул «слезай, дурак».

Денис поставил стакан на бордюр, сделал три быстрых шага — и оказался за спиной Никиты. Одна секунда. Выдох. Толчок.

Никита не закричал. Он просто качнулся вперёд, взмахнул руками, поймал пустоту — и полетел вниз, на гранитные ступени.

Люди закричали. Кто-то побежал к лестнице. Денис, уже отступивший на десять метров, стоял с испуганным лицом — идеально испуганным, как в театральном кружке. Он даже прижал руки к щекам, как девочка.

— Боже, он упал! — сказал он громко. — Кто-нибудь, звоните в скорую!

И никто не заметил, что его лицо не изменилось. Ни капли. Только чуть расширились зрачки — от выброса адреналина. Или от чего-то другого.

Той же ночью. Комната Дениса в доме отца

Он сидел за столом, перед ним стояла пластинка — Первый концерт Чайковского для фортепиано с оркестром. Отец и мачеха уже спали на втором этаже, Андрей ушёл к друзьям. Денис был один. Руки дрожали мелкой дрожью. Не от страха. От возбуждения. Того самого, за которым в четырнадцать лет застал его отец.

Денис поставил иглу на винил. Первые аккорды — мощные, как удар кувалды — ударили в уши. Он закрыл глаза, откинулся на спинку стула и позволил телу расслабиться.

Перед внутренним взором вставала картина: Никита летит. Его глаза расширяются последний раз. Гранит встречает затылок. Звук — как тыква, разбитая об асфальт. И тишина.

Тишина, которую заполняет музыка.

Он кончил в штаны. Потом встал, переоделся, сунул грязное бельё в пакет, утром выбросит в мусорку за гаражами. Выключил пластинку.

Лёг в кровать и впервые за несколько лет уснул без кошмаров.

Отец не бил. Брат не дразнил. Мачеха не смотрела с укоризной.

Только музыка. Только чистота.

Кабинет Горелова, сентябрь 2016

Горелов захлопнул папку и потёр глаза.

— Чёрт, — сказал он громко.

Рядом с ним сидела Шатрова, читавшая протоколы через плечо.

— Ты в этом уверен? — спросила она.

— В чём именно?

— Что это был не несчастный случай? Смотри: ни одного прямого свидетеля, никаких улик, парень — отличник, музыкант, без проблем. Мотив? Никита его дразнил? Тысячи детей дразнят друг друга, они не становятся убийцами.

— А если он стал? — Горелов поднял на неё глаза. — Если этот случай развязал ему руки? Гибель отца — ещё одно убийство. Брата — третье. Мачехи — четвёртое. И все они идеально замаскированы.

— Но это косвенные улики, — Шатрова покачала головой. — Парень не признается. Экспертизы нет. Свидетелей прямых нет. Саша Громов с его пророчествами — это всё, что у нас есть. А в суде это не аргумент.

— Значит, будем копать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.